

образите Эрату в шестнадцать лет, которой улыбка восхищает взоры, очаровывает сердца, — это будет Софья!»⁴⁴ Не исключено даже, что изображение Софьи с арфой было подсказано Клушину портретом смолянки Г. И. Алымовой (1776) работы Д. Г. Левицкого. Упоминание о музыкальных интересах «чувствительных» героев нередко встречается в сентиментальных повестях. В частности, о героине повести П. И. Шаликова «Алина и Теофиль» сообщается, что ее занятиями были «книжки и арфа».⁴⁵ В «Российском Жилблазе» В. Т. Нарезного уже иронически задается вопрос, когда речь идет об избраннице сердца: «Умеет ли играть на арфе или жать пшеницу?»⁴⁶ Впрочем, и остальные детали портрета Софьи обусловлены именно стереотипом, во многом общим и для литературы, и для живописи.

Исследователь творчества Левицкого замечает, что он «стремился к закреплению найденных им выражений, к известной классификации душевных состояний людей, тем самым ставя определенный предел степени психологической разработанности человеческих образов».⁴⁷ Аналогичное явление можно наблюдать и в литературе русского сентиментализма, быстро усваивавшей определенные шаблоны в изображении «чувствительных» героев. Появление стереотипа способствовало расцвету эпигонства. Это в свою очередь давало благодатный материал для пародий. Традиционные портретные штрихи иронически перечисляются Н. Остолоповым при описании внешности горничной Груши в повести «Евгения, или Нынешнее воспитание»: «Груша собою была очень хороша; лицо ее хоть и не так было бело, как снег, румянец хотя несколько и не похож был на алую розу, глаза ее хоть и не были лазоревого цвета, однако ж Груша была очень хороша».⁴⁸

Но одним из важнейших принципов искусства сентиментализма в лучших его проявлениях было как раз стремление пробудить интерес к конкретной человеческой личности, найти в ней нечто особое, индивидуальное, неповторимое. Между тем существование устоявшегося стереотипа входило в противоречие с этим принципом. Возможности создания словесного портрета оставались ограничены определенными рамками. Но, отчасти опираясь на опыт современной европейской литературы, отчасти совершая самостоятельные художественные открытия, русские писатели-сентименталисты начинают искать новые способы изображения героев.

⁴⁴ Русская сентиментальная повесть, с. 130.

⁴⁵ Шаликов П. И. Повести. М., 1819, с. 22.

⁴⁶ Нарезный В. Т. Российский Жилблаз, или Похождение князя Гаврилы Симоновича Чистякова. Петрозаводск, 1983, с. 392.

⁴⁷ Гершензон-Чегодаева Н. М. Дмитрий Григорьевич Левицкий. М., 1964, с. 172.

⁴⁸ Остолопов Н. Евгения, или Нынешнее воспитание. СПб., 1803, с. 43.